

© 2016 г.

А.А. КОСТИН

ЮГОСЛАВИЯ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х годов

Основы военно-политической стратегии США в первой половине 1950-х годов были заложены директивой Совета национальной безопасности (СНБ) № 68 “Цели и программы национальной безопасности Соединенных Штатов”, утвержденной 14 апреля 1950 г. Она содержала всесторонний анализ политических, стратегических, экономических и психологических целей США и их возможного влияния на американскую внешнюю политику “с учетом появления у СССР атомной бомбы и возможного появления термоядерной бомбы”. Американские аналитики опасались “возможного советского господства над территорией Евразии”, считая его “неприемлемым для США со стратегической и политической точек зрения”. Перспектива расширения сферы советского влияния требовала “усилить ориентацию несоветских наций на дружественные взаимоотношения с Соединенными Штатами; и помочь таким нациям, которые способны и хотят внести важный вклад в обеспечение безопасности США, повысить свою экономическую и политическую стабильность и увеличить свой военный потенциал”. Активное наращивание военной силы, по расчетам членов СНБ, должно было обеспечить условия для “начала переговоров с Кремлем, чтобы заставить его изменить свою позицию с учетом новой ситуации”¹.

Данные установки стали продолжением директивы СНБ № 20/1 “Цели США в отношении СССР в деле противодействия советской угрозе безопасности Соединенных Штатов” от 18 августа 1948 г. (президент Г. Трумэн одобрил ее 24 ноября 1948 г. под № 20/4)² и соответствовали дальнейшей консолидации и укреплению военной мощи 12 западных государств, заключивших 4 апреля 1949 г. Североатлантический договор³. 6 октября 1949 г. президент Г. Трумэн подписал принятый Конгрессом Закон о помощи взаимной обороне. Он дополнил американскую экономическую помощь, оказываемую западноевропейским странам по плану Маршалла, помощью военной, направленной на укрепление обороноспособности союзников США⁴. Сплочение

Костин Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и политических наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования “Вятский государственный университет”.

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ НШ-9803.2016.6.

¹ Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS), 1950. V. I. National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Washington (D.C.), 1977, p. 288, 290, 291; National Security Council, NSC68, United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950). – <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68-5.htm>

² Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. New York, 1978, p. 173–203; FRUS, 1948. V. I. General; the United Nations, pt. 2. Washington (D.C.), 1976, p. 662–669.

³ The North Atlantic Treaty. Washington (D.C.), 4 April 1949. – http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm

⁴ A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941–1949. New York, 1968, p. 1356–1364.

“несоветских наций” в рамках НАТО укрепляло американские позиции в Западной Европе и позволяло перейти от “сдерживания” СССР к его “отбрасыванию”.

Авторы директивы “СНБ-68” ставили цель “способствовать и содействовать постепенному удалению непропорционально применяемой российской силы и влияния из регионов, которые в настоящее время располагаются по периметру традиционных российских границ, а также превращению государств-сателлитов в независимые от СССР государства”⁵. Надежды американских стратегов поддерживал пример Югославии, изгнанной из формировавшегося советского блока после конфликта между Всесоюзной коммунистической партией (большевиков) и Коммунистической партией Югославии (КПЮ). Во второй половине 1948 – первой половине 1949 г. под нажимом СССР с Югославией прекратили отношения страны, вставшие на путь социалистического развития. Москва рассчитывала с помощью экономической блокады, жесткого пропагандистского давления и военных приготовлений на границах заставить югославского лидера И. Броз Тито капитулировать или вынудить просоветские силы в руководстве страны совершить переворот.

Разрыв отношений КПЮ с мировым коммунистическим движением переместил Федеративную Народную Республику Югославию (ФНРЮ) в центр балканской политики Вашингтона. Особое положение страны, по мнению разработчиков “СНБ-68”, говорило о возможной уязвимости отношений СССР со странами, следующими в фарватере его политики, в случае роста национализма в Восточной Европе: “Слабым местом политики Кремля являются его отношения с государствами-сателлитами и их населением. Национализм по-прежнему остается самой мощной эмоционально-политической силой... При первой же возможности получить независимость, как это было в случае с Тито, государство-сателлит, скорее всего, попытается отделиться от Кремля”⁶.

В течение года после появления 23 июня 1948 г. резолюции Информбюро “О положении в Коммунистической партии Югославии”⁷ сотрудники Государственного департамента сомневались в серьезности конфликта Белграда и Москвы. Но к осени 1949 г. американцы убедились, что раскол между Сталиным и Тито только углубляется. 28 сентября 1949 г. Москва направила Белграду ноту, заявлявшую, что “Советский Союз отныне считает себя свободным от обязательств” Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией, заключенного 11 апреля 1945 г.⁸ 29 ноября 1949 г. была опубликована новая резолюция Информбюро “Югославская компартия во власти убийц и шпионов”⁹. Ситуация была накалена до предела, и на Западе не исключали военной акции советских вооруженных сил против ФНРЮ. Если вопрос оказания Югославии экономической помощи был для американцев делом решенным, то защита страны в случае нападения СССР и его союзников по-прежнему находилась на стадии обсуждения.

25 июня 1950 г. начался корейский конфликт. Один из руководителей венгерского восстания 1956 г. генерал Бела Кирай, бежавший в США, впоследствии утверждал, что “агрессия против Югославии началась бы в конце 1950 г. или самое позднее весной 1951 г., если бы Соединенные Штаты и Организация Объединенных Наций не вмешались в корейскую ситуацию”¹⁰. В связи с началом войны в Корее члены СНБ в августе 1950 г. решили “оказать Югославии чрезвычайную военную помощь согласно

⁵ FRUS, 1950, v. I, p. 289; National Security Council...

⁶ FRUS, 1950, v. I, p. 247; National Security Council...

⁷ Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998, с. 455–461; Советско-югославские отношения. 1945–1956. Документы и материалы. Новосибирск, 2010, с. 318–324.

⁸ Советско-югославские отношения..., с. 462.

⁹ Совещания Коминформа..., с. 701–704; Советско-югославские отношения..., с. 484–487.

¹⁰ *Kiraly B.* The Aborted Soviet Military Plans. – At the Brink of War and Peace: the Tito–Stalin Split in a Historic Perspective. New York, 1982, p. 286.

Программе помощи взаимной обороне”¹¹. 29 ноября Трумэн официально обратился к Конгрессу для получения санкции на оказание Югославии дополнительной помощи в размере 38 млн долл. Президент подчеркнул, что обеспечение продовольственных потребностей югославских военных имеет большое значение для безопасности НАТО и США¹². Так как ФНРЮ не являлась членом Североатлантического альянса, требовалось, чтобы Конгресс внес поправки в Закон о помощи взаимной обороне. Палата представителей и Сенат приняли Чрезвычайный закон о помощи Югославии, и 29 декабря 1950 г. он был подписан президентом¹³.

16 апреля 1951 г. Трумэн объявил о своем решении в рамках Закона о помощи взаимной обороне предоставить Югославии 29 млн долл. для поддержки ее вооруженных сил¹⁴. На следующий день американский посол в Белграде Дж. Аллен и заместитель министра иностранных дел ФНРЮ Й. Вильфан обменялись нотами о заключении соответствующего соглашения¹⁵. В мае – июне 1951 г. в Вашингтоне состоялись двусторонние переговоры, включавшие “обсуждение долговременной стратегии”. 13 июня глава Отдела планирования армии США генерал-лейтенант К. Эддльман и начальник Генерального штаба Югославской армии генерал-полковник К. Попович подписали соглашение о срочной доставке в Югославию военных грузов и военных консультациях между сторонами¹⁶.

Первый в истории НАТО главнокомандующий силами альянса генерал Д. Эйзенхауэр записал в то время в дневнике, что проблема европейской безопасности будет решена созданием “Соединенных Штатов Европы”. Наряду со странами – участниками Североатлантического договора, а также Западной Германией, Швецией, Испанией и Грецией среди вероятных членов нового политического объединения Эйзенхауэр видел и Югославию¹⁷. Инструктируя начальника штаба армии США Дж. Лоутона Коллинза накануне его поездки в ФНРЮ, Д. Эйзенхауэр в августе 1951 г. подчеркнул большое значение Югославии для обеспечения безопасности южного фланга НАТО¹⁸.

Важным шагом в укреплении американо-югославского сотрудничества стало подписание 14 ноября 1951 г. Соглашения о военной помощи между США и Югославией¹⁹. На ФНРЮ было распространено действие Закона о взаимной безопасности от 10 октября 1951 г., который санкционировал использование почти 7,5 млрд долл. на оказание военной, экономической и технической помощи американским союзникам, в первую очередь в Западной Европе²⁰: “Правительство США предоставит или будет продолжать

¹¹ FRUS, 1950. V. IV. Central and Eastern Europe; The Soviet Union. Washington (D.C.), 1980, p. 1439–1440; *Lees L. Keeping Tito Afloat: The United State, Yugoslavia, and the Cold War.* University Park, 1997, p. 88.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 82, оп. 2, д. 1322, л. 70; U.S. Diplomatic Records on Relations with Yugoslavia during the Early Cold War. 1948–1957. New York, 2002, p. 238–240.

¹³ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1322, л. 268–269; FRUS, 1950, v. IV, p. 1507–1508; *Campbell J. Tito's Separate Road. America and Yugoslavia in World Politics.* New York, 1967, p. 25, n. 11; *Lees L. Op. cit.*, p. 94.

¹⁴ Public Papers of the Presidents of the United States. Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the Presidents. Harry S. Truman. January 1 to December 31, 1951. Washington (D.C.), 1965, p. 232.

¹⁵ FRUS, 1951. V. IV. Europe: Political and Economic Developments, pt. 2. Washington (D.C.), 1985, p. 1783.

¹⁶ *Ibid.*, p. 1815, n. 2; *Lees L. Op. cit.*, p. 105.

¹⁷ The Papers of Dwight David Eisenhower. V. XII. NATO and the Campaign of 1952. Baltimore, 1989, p. 415.

¹⁸ *Lees L. Op. cit.*, p. 109.

¹⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 0144, оп. 35, п. 144, д. 14, л. 121–124; U.S. Diplomatic Records..., p. 315; FRUS, 1951, v. IV, pt. 2, p. 1863.

²⁰ The Mutual Security Act of 1951. – United States Statutes at Large. Containing the Laws and Concurrent Resolutions Enacted During the First Session of the Eighty-Second Congress of the United States of America 1951 and Reorganization Plan, Amendment to the Constitution, and Proclamations, v. 65. Washington (D.C.), 1952, p. 373–387. – http://www.constitution.org/uslaw/sal/065_statutes_at_large.pdf

предоставлять в распоряжение Правительства ФНРЮ оборудование, материалы, услуги или другую помощь”. Белград брал на себя обязательство оказывать “США взаимную помощь, продолжая содействовать производству и передаче Соединенным Штатам в таких количествах и на таких условиях, которые будут согласованы, сырья и полуфабрикатов, необходимых США в результате недостатка или потенциального недостатка в собственных ресурсах и наличия их в Югославии”²¹.

Военные поставки расчищали дорогу для стратегического сотрудничества в сфере совместной обороны против потенциальной советской угрозы. Независимость Югославии от СССР с военно-стратегической точки зрения давала США неоспоримое преимущество перед Советским Союзом, отвечая целям его сдерживания в балканосредиземноморском районе. Военное сотрудничество Белграда и Вашингтона было инструментом давления на Москву, создавая угрозу безопасности советского блока в Юго-Восточной Европе. По утверждению известного американского советолога, специалиста по истории “холодной войны” В. Мастны, в феврале 1951 г. сообщения о присутствии американских и английских боевых самолетов на югославских аэродромах потрясли румынский Генштаб. Болгары также ожидали югославского нападения, строя оборонительные сооружения и готовя войска к его отражению. Слухи распространяли тревожную информацию, что в случае наступательных действий СССР и его союзников в Центральной Европе НАТО ответит на Балканах, направив против них Югославию, Грецию и Турцию²².

В меморандуме “Возможности войны с Советским Союзом, 1951–1952: использование атомного оружия” от 23 мая 1951 г. член Отдела планирования политики Государственного департамента К. Саваж указывал: “Югославия, Греция, Турция – эти три государства имеют для нас большое значение в борьбе против советского империализма. Они представляют собой грозный бастион против агрессии в районе восточного Средиземноморья. Их совместные военные силы сейчас больше, чем всех европейских членов Североатлантического союза. Кроме того, если нам будет навязана война, мы можем надеяться на наступление против Советского Союза в этом регионе”²³.

Давая оценку возможному развитию ситуации в мире на два года вперед аналитики Центрального разведывательного управления 24 сентября 1951 г. говорили о будущем присоединении Греции, Турции, Испании, Югославии и Западной Германии к НАТО, которое “должно быть завершено в предстоящий период” и станет “главным приращением в силе НАТО”. При этом автор прогноза сетовал, что “многочисленные политические и психологические препятствия” мешают вкладу последних трех стран в западноевропейскую оборону”²⁴.

Влиятельный сотрудник госдепартамента Дж. Кэмпбелл впоследствии в интервью профессору истории Р. Маккинзи суммировал приоритеты американской стратегии в тот период: “Наш подход к военной программе был следующим: во-первых, его основная цель заключалась в повышении обороноспособности Югославии, во-вторых, так или иначе было очень важно начать подключение Югославии к западной обороне в целом... Конечно, с точки зрения Пентагона, раз они поставляли югославам военное оборудование, то в случае войны они хотели бы, чтобы югославы помогли защитить определенные места и не отступили в горы, чтобы защищаться в одиночку. Поэтому

²¹ Military Assistance Agreement Between the United States and Yugoslavia, November 14, 1951. – http://avalon.law.yale.edu/20th_century/yugo001.asp

²² Mastny V. NATO in the Beholder’s Eye: Soviet Perceptions and Policies, 1949–56. – Woodrow Wilson International Center for Scholars. Cold War International History Project. Working Paper № 35, Washington, March 2002. – <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/ACFB01.pdf>

²³ FRUS, 1951. V. I. National Security Affairs; Foreign Economic Policy. Washington, 1979, p. 839; Lees L. Op. cit., p. 107.

²⁴ Lees L. Op. cit., p. 109.

в умах тех, кто был связан с югославской политикой, созревала идея каким-то образом постепенно подвести югославы к более тесным связям с НАТО”²⁵.

Мысли о необходимости включения ФНРЮ в западную оборонительную систему в начале 1950-х годов были у американских и военных, и дипломатов. Тито же надеялся на защиту со стороны западных стран в случае вторжения войск советского блока, но не желал оказаться втянутым в войну между Востоком и Западом. ФНРЮ стремилась избежать любых обязательств перед США и их союзниками. В мае 1951 г. югославский маршал “пояснил, что Югославия не интересуется заключением каких-либо бумажных договоров, и что идентичность интересов – единственная реальная и достаточная гарантия того, что во время войны Югославия будет на стороне Запада”²⁶.

Белград ограничился развитием сотрудничества с Афинами и Анкарой. В сентябре 1951 г. Тито подчеркнул, что ФНРЮ “подвергнется опасности в случае нападения на Грецию и Турцию”, поэтому с началом агрессии или даже раньше неизбежно возникнет вопрос о сотрудничестве этих стран с Югославией²⁷. Так как восприятие внешней угрозы у них было идентичным, отношения между тремя странами быстро улучшались. 18 февраля 1952 г. Греция и Турция стали членами Североатлантического альянса. Однако о вступлении в НАТО Югославии речь идти не могла. Во-первых, стремясь получить защиту со стороны Запада, югославы в то же время не желали дать лишний повод для обвинений со стороны мирового коммунистического движения в предательстве идей марксизма. Во-вторых, американцы понимали, что вступление коммунистической страны в НАТО выглядело бы по меньшей мере странно.

В течение 1952 г. проходили греко-турецко-югославские переговоры. Открытому проявлению активной американской поддержки укреплению отношений между тремя балканскими государствами мешало нежелание югославы брать на себя какие-либо обязательства перед Западом и наличие таких обязательств у Греции и Турции, ставших членами НАТО. 6 июня 1952 г. Аллен в своем сообщении в госдепартамент подчеркнул, что “очень важно воспользоваться нынешней югославской готовностью к улучшению отношений с обеими этими странами”, но согласился с госдепартаментом, что “следует соблюдать осторожность, чтобы греки или турки не торопили события и не сделали слишком резких шагов в отношении югославы”. Посол рекомендовал: “Наш лучший подход, мне кажется, состоит в том, чтобы избежать слишком активного участия в любом амплуа, и пусть югославы, греки и турки решат это сами, насколько возможно”²⁸.

Говоря о вероятности того, что турки и греки могут обратиться к Североатлантическому альянсу с просьбой выразить отношение к возможному соглашению Белграда с Афинами и Анкарой, госсекретарь Д. Ачесон в ответном послании белградскому посольству подчеркнул, что “ситуация еще не созрела для того, чтобы предпринимать такие шаги в НАТО”. При этом Ачесон объяснил: “Госдепартамент обеспокоен, как бы возможный отказ стран НАТО не нанес ущерба сближению Югославии с Грецией и Турцией на двух- или трехсторонней основе”²⁹. Очевидно, что в отличие от настоящего отношения членов Североатлантического альянса, опасавшихся советского нападения, американцы в целом были готовы поддержать развитие сотрудничества между Белградом, Афинами и Анкарой, но избегали активного вмешательства в этот процесс.

²⁵ *McKinzie R.* Oral History Interview with John C. Campbell, New York, June 24, 1974. – URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>

²⁶ *Yugoslavia: Political Diaries, 1918–1965. V. 4. 1949–1965.* Slough, 1997, p. 359.

²⁷ *Ibid.*, p. 272.

²⁸ *FRUS, 1952–1954. V. VIII. Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean.* Washington (D.C.), 1988, p. 594.

²⁹ *Ibid.*, p. 595.

Американские военные продолжили переговоры с югославами. В середине июля 1952 г. два высокопоставленных чиновника от Министерства обороны США, генералы К. Эддльман и Дж. Холмстэд, и затем помощник министра обороны Ф. Нэш посетили маршала Тито в его летней резиденции в Словении. В августе министр армии США Ф. Пэйс осуществил двухдневную поездку в Югославию и “принял участие в военных учениях неподалеку от столицы перед тем как отправиться в Блед для встречи с маршалом Тито”³⁰. В ноябре Вашингтон направил в Белград заместителя главнокомандующего Европейского командования США генерал-лейтенанта Т. Хэнди для обсуждения вопросов обороны и детального определения военных возможностей Югославии. Однако ФНРЮ вновь отказалась дать какие-либо обязательства, выражая при этом надежду на защиту со стороны Запада в случае войны. Обе стороны явно осторожничали. Чуть позже на переговорах в Афинах 27 декабря 1952 г. югославы пожаловались грекам на американского генерала: “Он спрашивал много, а говорил мало. Мы не рассказывали Хэнди о своих силах, так как он не рассказывал нам о своих”³¹.

На трехсторонних балканских переговорах ситуация была иной. 24 ноября 1952 г. Аллен сообщил в госдепартамент, что накануне визита греческой военной делегации “югославы говорили об определенных военных обязательствах”. В беседе с греческим посланником С. Капитанидесом Дж. Аллен сказал, что “югославы могут рассчитывать на получение косвенных обязательств НАТО путем подписания с греками и турками взаимных гарантий поддержки в случае нападения”³². В декабре 1952 г. переговоры трех балканских стран вышли на уровень подготовки соглашения о сотрудничестве. Однако обязательства Греции и Турции перед НАТО и желание югославов избежать принятия на себя подобных обязательств по-прежнему мешали процессу переговоров, и никакого определенного плана создания балканского союза пока еще не было.

Позиция госдепартамента была изложена госсекретарем 5 декабря в письме в американское посольство в Париже. Ачесон выразил поддержку трехсторонних переговоров, подчеркнув приоритет интересов Североатлантического альянса: “Соединенные Штаты, а их позиция уже доведена до заинтересованных сторон, выступают за максимальное развитие югославо-греко-турецкого сотрудничества, которое должно рассматриваться с точки зрения греческих и турецких обязательств в НАТО”. Госсекретарь высказал недовольство политикой ФНРЮ, надеявшейся без взаимных обязательств получить гарантии защиты со стороны Запада: “Чем понятнее будет разъяснено Югославии, что ее собственные интересы неразрывно связаны с общими усилиями обороны Запада и что ей не позволят натравливать одну державу или группу держав против остальных, тем более вероятным станет достижение наших целей”. Глава госдепартамента выступил за невоенный характер готовящегося трехстороннего соглашения: “В настоящее время мы выступаем за максимально возможный прогресс в случае военного планирования между греками и/или турками и югославами, хотя мы считаем, что сейчас не должно быть никаких военных обязательств. Подобные обязательства должны стать результатом правительственного решения в момент возникновения чрезвычайной ситуации с учетом всех появившихся обстоятельств и после консультации с союзниками по НАТО”³³.

То, что совместные действия ФНРЮ и балканских участников Североатлантического договора допускались лишь в случае “возникновения чрезвычайной ситуации”, свидетельствует, что в существовавших тогда условиях американские аналитики оценивали возможные последствия военного сотрудничества Белграда со странами НАТО как крайне опасные. С одной стороны, США стремились ассоциировать Югославию с западным миром, чтобы на ее примере показать советским союзникам возможность успешного сопротивления воле СССР. С другой – развитие военного сотрудничества ФНРЮ

³⁰ АВП РФ, ф. 0144, оп. 36, п. 148, д. 12, л. 130–131, 148, 149; Yugoslavia: Political Diaries..., v. 4, p. 382.

³¹ FRUS, 1952–1954, v. VIII, p. 601.

³² Ibid., p. 597.

³³ Ibid., p. 598–600.

и Североатлантического альянса втягивало США, в случае советского нападения на Югославию, в полномасштабный вооруженный конфликт между Западом и Востоком.

Югославы добивались “формального трехстороннего соглашения с Грецией и Турцией о помощи друг другу в случае нападения на любую из сторон”. Такое соглашение должно было содержать конкретные планы совместных действий в возможной войне. В случае советского нападения на Югославию на помощь ей должны были прийти Греция и Турция, которым в рамках союзнических обязательств по Североатлантическому договору окажут поддержку другие члены НАТО. Таким образом, югославы, по сути, получали защиту со стороны всего западного блока, что само по себе должно было предотвратить советское вторжение. В случае же нападения на Грецию или Турцию ФНРЮ была обязана предпринять совместные с ними действия по взаимной обороне, но не имела обязательств по вступлению в войну из-за конфликта Востока и Запада где-нибудь в Центральной Европе или на Дальнем Востоке. Американское посольство в ФНРЮ считало соглашение Белграда, Афин и Анкары о взаимной обороне полезным для Вашингтона. Его сотрудники полагали, что оно станет первым шагом к последующему сближению Югославии с Североатлантическим альянсом. “Расширение сферы переговоров” между Югославией, Грецией и Турцией, по мнению Аллена, “побудило Тито начать процесс перемещения под зонтик НАТО”³⁴.

20 февраля 1953 г. югославская сторона представила свой проект договора о дружбе, четвертая статья которого гласила: “Соглашения и рекомендации, касающиеся военного сотрудничества, принятые с общего согласия начальниками генеральных штабов (или их полномочными представителями), должны после утверждения правительствами договаривающихся сторон являться частью этого договора”. Югославское предложение расходилось с греческим проектом, в котором признавалась важность организации совместной обороны, но предполагались лишь консультации в случае боевых действий, направленных против одной из сторон, и предусматривалось право Греции и Турции избегать действий, противоречащих Североатлантическому договору или Уставу ООН.

За месяц до этого в США завершилось 20-летнее правление демократической администрации. На пост президента вступил республиканец Д. Эйзенхауэр, назначивший госсекретарем Дж.Ф. Даллеса. 21 февраля Даллес выразил озабоченность условиями соглашения, предложенными Белградом и Афинами: «Югославский проект (статьи два и четыре) и в меньшей степени греческий проект (статья четыре и упоминание “взаимопомощи” в преамбуле) создают большие проблемы, которых все мы стремимся избежать, а именно: придают договору характер пакта о взаимной помощи, вместо того чтобы ограничить его дружбой и консультациями. Для того, чтобы избежать вовлечения НАТО (в вооруженное столкновение. – *А.К.*) и других последствий, обязательства не должны идти дальше консультаций относительно таких общих мер, которые могут потребоваться, и не должны распространяться на обязательства оказывать помощь».

Госсекретарь признал, что “политическое соглашение не имеет никакого значения, если оно формально не связано с военными договоренностями”, но резюмировал: “Есть веская причина для разделения двух аспектов: международная политическая атмосфера не такова, чтобы обязательства в этой сфере были заключены в настоящее время”³⁵. В результате жесткой позиции новой республиканской администрации Договор о дружбе и сотрудничестве между Югославией, Грецией и Турцией, подписанный 28 февраля 1953 г. в Анкаре, не содержал ряда положений, обсуждавшихся в ходе предшествовавших подписанию переговоров. Все военные условия были из его текста тщательно удалены³⁶.

³⁴ Ibid., p. 601–603.

³⁵ Ibid., p. 623–624.

³⁶ Tekst Ankarskog sporazuma, 28. februar 1953. – Balkanski pakt: 1953/1954. Zbornik dokumenata. Beograd, 2005, s. 311–313; Treaty of Friendship and Collaboration Between the Turkish Republic, The Kingdom of Greece, and the Federal People's Republic of Yugoslavia, February 28, 1953. – The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. – http://avalon.law.yale.edu/20th_century/eu001.asp

Через пять дней скончался И.В. Сталин. Это событие не оказало немедленного воздействия на положение дел на Балканах, так как в целом во внешней политике СССР в течение двух-трех последующих лет сохранялась инерция сталинских установок. Запад продолжал укреплять южный фланг НАТО, подключение ФНРЮ к средиземноморской стратегии западной безопасности сохраняло прежнее значение. 5 марта 1953 г., в день смерти советского вождя, Тито отправился с визитом в Англию.

Однако смерть Сталина все же снижала в восприятии Запада риск советского вторжения в Югославию. Об этом свидетельствует возобновление переговоров о создании военного альянса Белграда, Афин и Анкары. США было важно сохранить единство рядов членов НАТО вдоль северо-восточного побережья Средиземного моря (Италия, Греция и Турция) и укрепить их за счет недостающего звена – Югославии. Полтора года “коллективного руководства” Советским Союзом продемонстрировали первые попытки правительства к нормализации отношений с ФНРЮ³⁷. Угроза вооруженного конфликта между социалистическими странами и Югославией и, как следствие, втягивания США в войну с СССР переместилась в число маловероятных возможностей.

9 августа 1954 г. в Бледе был подписан Договор о союзе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи между Турецкой Республикой, Королевством Греция и Федеративной Народной Республикой Югославия. Статья вторая устанавливала рамки коллективной обороны: “Договаривающиеся стороны соглашаются, что любая вооруженная агрессия против одной или нескольких из них в какой-либо части их территории считается агрессией против всех договаривающихся сторон, которые в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого в статье 51 Устава ООН, должны совместно и порознь идти на помощь стороне или сторонам, подвергшимся нападению, и принимать немедленно и с общего согласия любые меры, включая использование вооруженной силы, которые они сочтут необходимыми для эффективной обороны”.

Статья десятая устанавливала пределы этого договора, утвердив приоритет членства Турции и Греции в НАТО: “Положения настоящего договора не затрагивают и не будут толковаться как затрагивающие каким-либо образом права и обязательства Греции и Турции по Североатлантическому договору от 4 апреля 1949 г.”³⁸ Обязательства НАТО в случае агрессии превалировали над обязательствами Балканского пакта. Тем не менее опосредованно Югославия становилась связанной с обороной НАТО.

Таким образом, Югославия заняла важное место в военно-политической стратегии США в первой половине 1950-х годов. Директивы Совета национальной безопасности № 20/4 от 24 ноября 1948 г. и № 68 от 14 апреля 1950 г. заложили основы укрепления западных вооруженных структур, созданных благодаря подписанию Североатлантического договора. Советско-югославский раскол повысил стратегическую важность ФНРЮ. С принятием 29 декабря 1950 г. Чрезвычайного закона о помощи Югославии, дополнившего Закон о помощи взаимной обороне, и подписанием 14 ноября 1951 г. Соглашения между США и ФНРЮ о военной помощи, распространившего на Югославию действие Закона о взаимной безопасности, была создана юридическая база для оказания широкой материально-технической помощи опальному югославскому режиму. Однако сохранялись препятствия для подключения Белграда к участию в оборонительной системе Запада. Тито стремился получить помощь и защиту США и НАТО, но сохранял независимую позицию в международных делах и верность марксистской идеологии.

³⁷ Подробнее см.: *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008, с. 55–288.

³⁸ *Tekst Bledskog ugovora, 9. avgust 1954. – Balkanski pakt: 1953/1954, s. 722–726; Treaty of Alliance, Political Cooperation, and Mutual Assistance Between the Turkish Republic, the Kingdom of Greece, and the Federal People’s Republic of Yugoslavia (Balkan Pact), August 9, 1954. – The Avalon Project...*

Последнее было серьезным препятствием на пути расширения американской помощи Югославии и ее эффективной интеграции в западную систему безопасности в условиях обострения антикоммунистических настроений в США. В тот период сама идея поддержки коммунистической страны для борьбы с коммунизмом выглядела довольно абсурдной. Большинство сотрудников американской дипломатической службы подчеркивали трудности оказания помощи Тито в тот период. Американский посол в ФНРЮ в 1953–1957 гг. Дж. Риддлбергер впоследствии вспоминал: “Убедить американский Конгресс выделить деньги для коммунистического диктатора... это довольно неприятное занятие... Я считаю, Трумэн был абсолютно прав, и я уверен, в этом деле он проявил... много мужества”³⁹. Говоря об оказании помощи Югославии, помощник и затем заместитель директора Отдела торговой политики госдепартамента в 1951–1954 гг. У. Армстронг много лет спустя в беседе с историком Р. Маккинзи резюмировал: “В атмосфере маккартизма это было не так-то просто”⁴⁰.

В 1952 г. Турция и Греция стали членами НАТО. Единственным слабым звеном в создании пояса стран-союзниц для ограждения Средиземноморья от проникновения советского влияния осталась Югославия. Ее военно-политическая интеграция с НАТО была важна для укрепления военного потенциала “несоветских наций” и, следовательно, безопасности США. Но она таила в себе угрозу втягивания США в вооруженный конфликт с СССР в случае военного столкновения ФНРЮ с ее соседями, поддерживаемыми Советским Союзом. Югославы тоже избегали принятия каких-либо военно-политических обязательств перед западными странами, но стремились получить от Греции и Турции гарантии военной помощи. Демократическая администрация Трумэна предпочла избегать активного вмешательства в югославо-греко-турецкие переговоры. Но с приходом в Белый дом республиканцев Вашингтон исключил любые военные обязательства между Югославией и двумя партнерами по НАТО, подписавших 28 февраля 1953 г. соглашение в Анкаре. Однако после смерти Сталина возможность военного конфликта между ФНРЮ и странами социалистического лагеря стала минимальной. В новых условиях американская сторона санкционировала создание Балканского пакта, позаботившись о фиксации в Бледском договоре приоритета обязательств Турции и Греции перед союзниками по НАТО над их гарантиями военной помощи Югославии. Все государства северного побережья Средиземного моря за исключением отдаленной от Восточной Европы франкистской Испании были связаны взаимными обязательствами, что соответствовало целям военно-политической стратегии США, утвержденным директивой Совета национальной безопасности № 68.

³⁹ *Hess J.* Oral History Interview with James W. Riddleberger, Washington, April 26, 1972. — <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/riddle3.htm>

⁴⁰ *McKinzie R.* Oral History Interview with Willis G. Armstrong, Washington, June 12, 1973. — <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/armstron.htm>